

Э М И Л Ь З О Л Я

П р а в д а и д е т

ИЗ СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ О ДЕЛЕ ДРЕЙФУСА

Продолжая публикацию боевых выступлений мастеров культуры, участвовавших в борьбе народа против реакции, мы помещаем выдержки из статей и речей Эмиля Золя, опубликованных им в связи с делом Дрейфуса.

Во второй половине 1894 года французская реакция решила на неслыханное преступление: обнаружив измену в рядах высшего офицерства, военные власти использовали этот случай для провокационного наступления на завоевания французской демократии. С этой целью изменником был объявлен офицер генерального штаба Альфред Дрейфус, еврей по происхождению. Дрейфус был привлечен к суду и, несмотря на явную невинность, приговорен к разжалованию и пожизненной ссылке на Чортов остров.

Провокационный процесс против Дрейфуса послужил сигналом для бешеной кампании реакционеров, мечтавших о ликвидации республики и демократии во Франции. Однако реакция ошиблась в своих расчетах. Вскоре после осуждения Дрейфуса, широкие круги французского общества начали борьбу за пересмотр «Дела». Борьба «дрейфусаров» превратилась в крупное общественное движение, которое по своему значению вышло далеко за пределы кампании, вызванной решением военного суда о Дрейфусе.

Целое поколение писателей и ученых, из которых многие до тех пор стояли в стороне от всякой общественной деятельности, воспыхало в этой борьбе.

Перед Эмилем Золя дело Дрейфуса раскрыло «великий органический конфликт современного общества» (Барбюс). Из «одинокого писателя», каким считал себя сам Золя, он

превратился в борца, пропагандиста, в трибуна демократии. Французская буржуазия повела неслыханную травлю против великого писателя Франции. Ему угрожали смертью, его судили и приговорили к тюремному заключению и в конце концов подвели под издевательскую «амнистию» наравне с теми, кого разоблачал сам Золя. Буржуазия недаром возненавидела Золя. Когда 13 января 1898 года появилось в печати знаменитое обращение Золя к президенту республики Феликсу Форю, известное под названием «Я обвиняю», господствующие классы Франции действительно почувствовали себя на скамье подсудимых. Свое письмо Золя закончил словами: «Это мое выступление не что иное как революционное средство, чтобы ускорить взрыв правды и справедливости». Золя не пришлось дожидаться действительно революционного взрыва во Франции, но он предвидел тот день, когда «замурованная правда» вырвется наружу и «все взлетит на воздух вместе с ней».

Выступление Золя было революционным уже потому, что он через голову правительства, через голову буржуазного суда, обращался к народу, к Франции, призывая защитить французскую землю от козней врагов. Золя полон тревоги за родину, он не перестает «будить» Францию, он клеймит правительство за то, что оно выдает Францию реакционерам.

Он гневно обрушивается на тех, кто не понимает, как губительно всякое попустительство в отношении реакционной агрессии. «Все реакционные силы вели подкоп под Париж, они манировали республику, твердо рассчитывая завладеть столицей Франции и самой Францией в тот день, когда падет теперешний строй... Наконец-то республиканцы заметили,

что у них конфискуют их республику, если не будет наведен порядок».

Значение дела Дрейфуса в том, что «из него вышло все движение защиты республики».

Чтобы понять тревогу Золя необходимо вспомнить, как распоясались в те дни погромщики из реакционного лагеря. Дело дошло до того, что некий барон публично ударил палкой президента Французской республики.

Золя понял, что «методами» управления буржуазным государством стали провокация, клевета, организованный обман, погромы, убийства. Он понял также, что бесчинства реакционеров наносят огромный вред престижу Франции в глазах «насторожившейся Европы».

Одним из самых испытанных методов провокации уже в то время была антисемитская пропаганда, и потому Золя так много внимания уделил разоблачению этой «идиотской отравы».

Золя не раз говорил об «отчаянии», которое вызывают в нем преступления реакции, их безнаказанность. Однако, он остался ве-

ликим оптимистом, и Барбюс не случайно подчеркивает, что борьба, которую вел Золя, озарила радостью последний этап его жизни. Каждое выступление Золя полно веры в силы французского народа, в его молодежь. Золя понимал, что кучка юных дегенератов, которые толпились на улицах с криками: «смерть Золя», — это «не вся молодежь». Настоящая молодежь это — «долгожданные работники будущего». Золя был влюблен в это будущее, он не уставал делиться своими мечтами о «светлом веке», о «новом веке, который разрешит проблемы правды и справедливости».

Свое последнее выступление по поводу дела Дрейфуса Эмиль Золя закончил словами: «Я довел до конца свою роль так честно, как умел, и замолкаю совсем».

Но, должен добавить, что мои глаза останутся всегда широко открытыми. Я не успокаиваюсь ни днем, ни ночью — я смотрю, что происходит там, на горизонте, и, признаюсь, я даже упорно надеюсь вскоре увидеть много правды, много справедливости, которые идут оттуда, с тех далеких полей, где зреет будущее».

Я решил собрать в одном томе статьи по поводу дела Дрейфуса, которые я печатал в течение трех лет — с декабря 1897 по декабрь 1900, — по мере того, как разворачивались события. Когда писатель выносит свое суждение и берет на себя ответственность в деле, имеющем столь важное и широкое значение, первейший долг его — показать всем, какова была его роль, каковы были те подлинные документы, на основании которых только и можно судить о его действиях. И если даже справедливость не будет воздана ему сегодня, он может спокойно дожидаться: будущее получит в свое распоряжение все материалы, необходимые для того, чтобы в один прекрасный день была установлена истина...

Это, конечно, не история дела Дрейфуса, ибо я убежден, что эта история не может быть написана сегодня, когда так разгорелись страсти и когда многих документов нам не достает. Нужна перспектива и особенно нужно, чтобы были объективно изучены доказательства, которые должны составить огромную документацию. Я хотел бы только внести в нее свою долю, оставить для будущего свое свидетельство, рас-

сказать, что я знал, что я видел и что слышал там, где я лично принимал участие в событиях...

Сейчас я ограничиваюсь опубликованием этого сборника статей, уже появившихся в печати. Я, конечно, не изменил в них ни слова, не устранял повторений, сохранил ту резкую и непосредственную форму, в которой создавались эти страницы, часто на ходу, в лихорадочном возбуждении... Повторяю, эти статьи — лишь вклад в создающуюся документацию о деле Дрейфуса, лишь несколько свидетельств моей личной деятельности, которые мне хотелось собрать для Истории, для Правосудия завтрашнего дня.

ПИСЬМО К МОЛОДЕЖИ

— Куда спешите вы, молодые, куда спешите вы, студенты, толпами устремляясь по улицам, демонстрируя во имя вашего гнева и энтузиазма, упрямо добиваясь, чтобы был услышан крик вашей возмущенной совести?

Быть может, вы протестуете против какого-нибудь злоупотребления власти, быть может, кто-то оскорбил правду и спра-

ведливость, которые горят в ваших молодых душах, еще не знающих политических компромиссов и каждодневных подлостей нашей жизни?

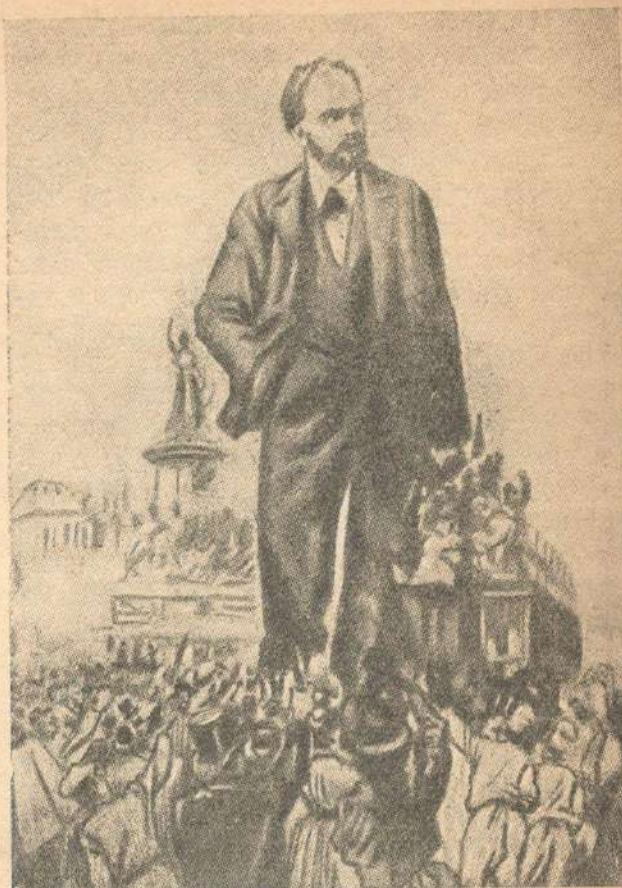
Быть может, вы хотите исправить какую-нибудь социальную несправедливость, кладете этот протест своей пламенной молодости на неверные весы, на которых с таким пристрастием взвешивается участь преуспевающих и участь обойденных в этом мире?

Быть может, вы, чтобы утвердить принципы терпимости и независимости человеческого рода, решили освистать каких-нибудь тупых, узколобых людей, которые пытаются толкнуть ваш уже свободный ум на путь старых заблуждений, для чего провозглашают крах науки?

Быть может, вы хотите провозгласить под окнами какого-нибудь лицемера и труса свою ненобедимую веру в будущее, в силу грядущего века, которого вы сами являетесь носителями и в котором будет осуществлен мир во имя справедливости и любви?

— Нет, нет! Мы собрались, чтобы поносить человека, человека уже преклонных лет, который, прожив долгую жизнь в честном труде, вообразил, что он может безнаказанно выступить в защиту благородного дела, стремиться к тому, чтобы была установлена истина и исправлена ошибка — ради чести нашей французской родины.

Когда я был молод, я видел этот самый Латинский квартал, весь взволнованный гордыми страстями юности, любовью к свободе, ненавистью к грубой силе, которая раздавливает сознание и сковывает души. Я видел, как в дни Империи он храбро выражал свой протест, иногда даже несправедливый, но всегда рождавшийся как свободный человеческий порыв. Тогда Латинский квартал освистывал литераторов, угождавших тюльрийскому дворцу, он не давал житья профессорам, проповедывавшим сомнительные идеи, он восставал против всякого, кто заявлял себя сторонником невежества и тирании. Здесь пылал священный огонь прекрасного безумства двадцатилетних, когда все надежды — действительность, и завтрашний день предстает, как верное торжество идеального Града.

Рисунок, опубликованный во французской печати после выступления Э. Золя в защиту Дрейфуса

Если идти в глубь этой истории благородных страстей, которые волновали университетскую молодежь, вы всегда увидите молодежь негодующей перед лицом несправедливости, с жаром встающей на защиту угнетенных, обездоленных, преследуемых, против жестокости власть имущих. Эта молодежь выступала на стороне угнетенных народов, на стороне Польши, на стороне Греции, была защитницей всех, кто страдал, кто погибал, грубо подавляемый деспотизмом. Когда говорили, что в Латинском квартале загорелось, это значило, что там пылает пламень юношеской правды, которой чужда половинчатость, которая с энтузиазмом делает благородное дело. И тогда — какое стихийное движение, какой неукротимый поток заливал парижские улицы!

Я прекрасно знаю, что та горсточка молодых людей, которая выступила сегодня, это — не вся молодежь, и что какая-нибудь сотня скандалистов, вышедших на улицу, делает больше шума, чем тысячи тружеников, скромно продолжающих свою работу. Но и этой сотни скандалистов до-

статочно: я вижу грозное предзнаменование в том, что подобное движение, как бы оно ни было ограничено, могло возникнуть сейчас в Латинском квартале!

Значит, такое явление, как антисемитизм молодых, существует? Значит, есть молодые мозги, нетронутые души, в которые проникла эта идиотская отравка? Как печально, как тревожно это на пороге начинающегося XX века! Сто лет спустя после Декларации прав человека, сто лет спустя после того, как совершился высокий акт терпимости и освобождения, нас возвращают к религиозным войнам, к самому ненавистному и бессмысленному виду фанатизма. Еще можно понять это, когда речь идет о людях, которые играют определенную роль, должны вести себя определенным образом и которые жадно стремятся удовлетворить свои личные интересы. Но молодые, рожденные и предназначенные для того расцвета всех прав и всех свобод, который мы всегда видели в своих мечтах о светлом веке будущего? Они ведь наши долгожданные работники, и вот уже они спешат заявить себя антисемитами; это значит, что они хотят начать новый век, убивая своих сограждан-евреев только потому, что те принадлежат к другой расе и исповедуют другую веру.

Хорошо же они вступают во владение тем новым Градом, о котором мы мечтали. Градом справедливости и братства! Если бы действительно такова была вся молодежь, было бы от чего притти в отчаяние и разувериться в надеждах на счастье человечества.

Молодежь! Молодежь! я призываю тебя подумать о великих трудах, которые тебя ожидают. Молодые, вы работники будущего, вы должны заложить фундамент нового века, который — мы в это глубоко верим — разрешит проблемы правды и справедливости, поставленные этим веком, приходящим к концу. Мы, старики, мы, старшие, — мы оставляем тебе, молодежь, огромную грудку наших начинаний, много противоречий и, быть может, даже много неясного, но зато мы завещаем тебе и наше невиданное ни в какую другую эпоху страстное устремление к свету, наши правдивые и нерушимые свидетельства, самый фундамент того здания науки, которое ты должна продолжать строить ради своей чести и своего счастья. Мы хотим только, чтобы ты была еще более великодушной, более свободной духом, чем мы, мы хотим, чтобы ты превзошла нас своею

любовью к жизни, к нормальной жизни, своим стремлением все претворить трудом, в котором заключена плодотворность человеческих усилий и самой земли, и тогда наступит, наконец, день нескончаемой радостной жатвы под ярко пылающим солнцем. И мы по-братски уступим тебе свое место и будем счастливы уйти и отдохнуть, исполнив то, что выпало на нашу долю, отдохнуть славным сном смерти, зная, что ты не оставишь, ты осуществишь наши мечты.

Молодежь, молодежь, вспомни о страданиях твоих отцов, о страшных битвах, из которых они вышли победителями, завоевав свободу, которой ты ныне пользуешься. Если сегодня ты чувствуешь себя независимой, если ты свободна в своих поступках, если ты можешь высказывать в печати свои мысли, иметь свое мнение и выражать его публично, то этим ты обязана своим отцам, отдававшим за это свой мозг и свою кровь... Ты родилась, уже не зная тирании, ты не знаешь, что это такое — просыпаться каждое утро, чувствуя у себя на груди хозяйский сапог, тебе не пришлось биться, чтобы отвести от себя меч деспотов и обман несправедливого суда. Будь же благодарна своим отцам и не совершай того страшного преступления, каким является преклонение перед ложью, союз с грубой силой, нетерпимость фанатиков и ненасытность честолюбцев...

— Куда спешите вы, молодые, куда спешите вы, студенты, шагая по камням мостовых, демонстрируя, утверждая среди всех наших раздоров мужество и надежду двадцатилетних?

— Мы идем к человечности, к правде, к справедливости!

ПИСЬМО К ФРАНЦИИ

В эти страшные дни нравственного смятения, когда, кажется, омрачилось общественное сознание, — к тебе я обращаюсь, Франция, к нации, к родине!

Каждое утро, когда я узнаю из газет, что ты думаешь о злосчастном деле Дрейфуса, все более растет мое недоумение и возмущается мой разум. Значит, это так? Значит, ты, Франция, могла дойти до этого, ты веришь очевидной лжи, ты выступаешь вместе с бандой преступников про-

тив немногих честных людей, ты теряешь голову, доверяясь дурацким выдумкам о том, будто бы оскорбляют твою армию, будто бы стовариваются продать тебя врагу, — в то время как самые мудрые, самые верные твои сыны желают лишь, чтобы ты осталась в глазах уже насторожившейся Европы нацией чести, нацией человечности, правды и справедливости.

Да, это так, масса людей дошла до этого, особенно масса маленьких, слабых людей, население городов, почти вся провинция и деревня, значительное большинство тех, кто принимает на веру утверждения газет и слова своих соседей, тех, кто не может ни проверить факты, ни поразмыслить. Что же произошло? Как могло случиться, что твой народ, Франция, народ прекрасного сердца и здравого смысла, дошел до этой жестокости, порожденной страхом, до этой мрачной нетерпимости? Тебе известно, что жестоким мучениям подвергают человека, который является, быть может, невинным, имеются материальные и моральные доказательства в пользу пересмотра дела Дрейфуса и, несмотря на это, ты упорно отказываешься пролить свет на это дело, ты идешь за фанатиками и бандитами, за людьми, которым выгодно замести следы, и это совершает народ, который еще недавно разрушил бы вторично Бастилию, чтобы освободить человека!

Ужас и печаль владеют душой тех, кто любит тебя, Франция, кто хочет твоей чести и величия! Я стою в отчаянии перед этим мутным, разбушевавшимся морем, я стараюсь понять, откуда эта буря, которая грозит унести славу Франции. Это — вопрос жизни и смерти; в этом я вижу тревожные симптомы. И я скажу всё без страха, потому что всю жизнь мною владела только одна страсть — правда, и, действуя ныне, я только продолжаю делать свое обычное дело.

Понимаешь ли ты, что опасность именно в этой упорной слепоте общественного мнения? Десятки газет повторяют ежедневно, что общественное мнение не желает, чтобы Дрейфус был невиновен, что его виновность необходима для спасения Франции. Понимаешь ли ты, как велика будет твоя вина, если власть воспользуется этим софизмом для удушения правды? Тогда скажут: такова ведь была воля Франции, скажут, что это по твоему требованию совершилось преступление; понимаешь ли ты, как спросится с тебя за это в буду-

щем? Вот почему первейший долг всех сынов Франции, любящих ее и почитающих, — в этот решительный час смело воздействовать на общественное мнение, просветить его, успокоить, спасти его от заблуждения, которое подсказывают ему слепые страсти. Нет более нужного, более святого дела.

Да, все свои силы я отдам на то, чтобы убедить этих маленьких людей, тех, кого отравляют, кого доводят до безумия. У меня нет другой задачи, я буду кричать им об этом, я скажу, в чем подлинная душа родины, ее непобедимая сила и верное торжество.

Вопреки злой воле многих, все будет делаться в свой час, шаг за шагом, с математической последовательностью. Правда имеет в себе такую мощь, которая разрушает все преграды. И если ей становятся на дороге, если удастся на некоторое время загнать ее в землю, она скопляется там, она наполняется там такой взрывчатой силой, что в тот день, когда она вырвется наружу, все взлетит на воздух вместе с ней. Попробуйте еще некоторое время держать ее замурованной во лжи, заточенной, и вы увидите когда-нибудь, что вы сами подготовили страшнейшие бедствия.

...Кризис, через который ты проходишь ныне, Франция, заключает в себе страшный урок для всех, кто умеет видеть и мыслить. Дело Дрейфуса само по себе является лишь печальным инцидентом. Страшно то, как ведешь себя ты, Франция, в этом случае. Бывает так, что у человека, здорового на вид, вдруг на коже появляются маленькие пятна: смерть уже сидит в нем. Все твои ядовитые недуги, политические и социальные, проступили сейчас на твоём лице, Франция.

Как могла ты допустить, чтобы кричали, будто кто-то оскорбляет твою армию, как могла ты сама кричать об этом, в то время как подлинные патриоты хотели только одного — спасти достоинство и честь армии. Ведь сегодня твоя армия — это ты сама, вся страна в целом; это не тот или иной генерал, не та или иная офицерская корпорация, не то или иное начальство в галунгах, нет, это все твои сыны, готовые защищать французскую землю. Признайся, не армию ты хотела защищать, на которую никто не нападал, нет, — тебя охватило внезапное раболепие перед военщи-

ной... В сущности, в тебе еще нет республиканской крови, у тебя колотится сердце при виде блестящего офицерского мундира и нет такого короля, в которого бы ты не влюбилась. Армия? Да ты и не думаешь об армии. Генерал — вот, с кем ты мечтаешь разделить ложе!

И знаешь ли, куда ты идешь, Франция? Ты идешь к церковничеству, ты возвращаешься в прошлое, в это прошлое нетерпимости и поповщины, с которым боролись самые славные твои сыны, которое они хотели уничтожить ценою своей крови и своего мозга. Сегодняшняя тактика антисемитов крайне проста. Как ни старался католицизм воздействовать на народ, создавать кружки из рабочих, поощрять паломничество, ему не удавалось восстановить свое влияние, вернуть народ коленопреклоненным к алтарям. Вопрос был решен окончательно, церкви пустовали, народ отошел от религии. И вот теперь, пользуясь обстоятельствами, стараются внушить народу бешенство антисемитизма, отправляют народ этим мракобесием, зовут его на улицы с криком: «Долой евреев! Смерть евреям!» Какое это было бы торжество, если бы удалось развязать религиозную войну! Конечно, народ попрежнему свободен от религии, но разве это не начало мракобесия, если вновь утверждается средневековая нетерпимость, если хотят сжигать евреев на площадях. Так или иначе, ядовитый состав найден, и, когда французский народ превратят в мракобесов и палачей, когда вырвут из сердца народа его благородство, его любовь к правам человека, столь трудно завоеванным, тогда остальное довершит, конечно, бог.

Осмеливаются отрицать наличие церковной реакции. Но ведь она сказывается во всем — в политике, в искусстве, в прессе, на улицах. Сегодня преследуют евреев, завтра придет очередь протестантов, — кампания уже начинается. Республика наводнена реакционерами всех видов, они все воспылали к ней внезапной и страшной любовью, они сжимают ее в своих объятиях, чтобы задушить. Со всех сторон только и слышно, что идея свободы потерпела крах. И, когда началось дело Дрейфуса, эта растущая ненависть к свободе нашла в нем неожиданную опору, и страсти запылали...

Так вот из чего складывается твое общественное мнение, Франция: из преклонения перед военщиной, из церковной реакции, которая отбрасывает тебя на мно-

го веков вселять, из ненасытного честолюбия тех, кто управляет тобой, Франция, кто пожирает тебя и не хочет уйти с этого пира.

Заклинаю тебя, Франция, стань снова великой Францией, стань собой, обрети себя вновь.

Две зловещие авантюры являются великим плодами рук антисемитов: Панама и процесс Дрейфуса...

...Дело Дрейфуса — это второе преступление антисемитов против общества. Снова гнуснейшая пресса во что бы то ни стало старается отравить общественное мнение ложью и подлой клеветой. Во что бы то ни стало ей хочется изобразить честных людей негодьями, а негодяев — честными людьми. Она снова и снова выдумывает нелепейшие истории, которым не верят даже малые дети. Ее снова и снова разоблачают, она снова и снова идет против здравого смысла и самой элементарной порядочности. И, неизбежно, в один прекрасный день общественное мнение восстанет, внезапно ощутив припадок тошноты от всей мерзости, которой его кормят. И, так же как в панамском деле, вы увидите — и в деле Дрейфуса общество употребит всю свою мощь, всю свою волю, чтобы уничтожить предателей, потребует правды и справедливости в величественном и благородном порыве. Так будет судим и осужден антисемитизм за свои дела, за две свои губительные авантюры, в которых страна потеряла немало достоинства и здоровья.

Вот почему я умоляю тебя, Франция, стань собой, обрети себя, время не терпит.

...Пробудись, Франция, подумай о своей славе. Как может быть, чтобы либеральная буржуазия, чтобы твой освобожденный народ не понимал, к какой пропасти ведет этот кризис. Я не могу поверить, чтобы они были соучастниками, но в таком случае они обмануты, ибо не видят, что скрывается за этими событиями: с одной стороны — военная диктатура, с другой — церковная реакция. Этого ли ты хочешь, Франция? — гибели всего, что куплено столь дорогой ценой: веротерпимости, равноправия перед законом, братской солидарности всех граждан. Если есть малейшее сомнение в виновности Дрейфуса и ты все же не избавишь его от мучений, твоя славная борьба за свободу и право будет навеки опорочена. Как? Неужели не

найдется больше никого, кроме нас, маленькой кучки людей, неужели все твои честные сыны не пойдут вместе с нами — все свободные умы, все вольнолюбивые сердца, которые создали республику и которые не могут не трепетать, видя, что ей угрожает гибель.

К ним я обращаюсь, Франция. Пусть они объединятся, пусть шипут, пусть говорят. Пусть работают вместе с нами, чтобы просветить общественное мнение, просветить маленьких людей, обездоленных, тех, которых отравляют, которых доводят до безумия. Душа родины, ее сила, ее торжество — только в справедливости и благородстве...

История будет написана, — и безумие думать, что можно помешать этому! Да, история, эта история будет написана и никто не избежит ответственности, какова бы она ни была.

И это будет к твоей славе, Франция, ибо я глубоко убежден, я твердо знаю, что как бы ни покушались на твой разум, на твоё здоровье, все-таки ты — будущее, ты не раз еще воспрянешь в лучах правды и справедливости!

ПИСЬМО г. ФЕЛИКСУ ФОРУ, ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ

...Нам говорят о чести французской армии, хотят, чтобы мы любили армию, чтобы мы ее уважали. О да, армия, которая подымется при первой угрозе, которая будет защищать французскую землю, — такая армия — это весь народ, и к ней мы полны любви и уважения. Но речь идет не об армии, достоинство которой мы как раз и оберегаем, требуя справедливости. Речь идет о военщине, которая, быть может, завтра станет властвовать над нами. И, если нужно благоговейно лобзать шпагу, молиться на нее, мы говорим: нет!

Я уже писал об этом: дело Дрейфуса — это дело нашего военного ведомства; офицер генерального штаба разоблачен коллегами по генеральному штабу и осужден под давлением руководителей генерального штаба. Повторяю, нельзя восстановить его невиновность, не признав виновным весь генеральный штаб. Понятно поэтому, что военное ведомство всеми средствами — кампаниями в прессе, информацией, давлением — постаралось выгородить Эстергази только для того, чтобы вторично погубить

Дрейфуса. Железной метлой должно республиканское правительство навести порядок в этом рассаднике иезуитов, как называется военное ведомство даже генерал Билло! Но где оно, министерство, действительно сильное и проникнутое мудрым патриотизмом, которое осмелилось бы все там перестроить и все обновить? Я знаю множество людей, которые, в предвидении возможной войны, дрожат от ужаса при мысли о том, в чьих руках находится защита страны и каким отвратительным гнездом низких интриг, сплетен и казнокрадства стало это святое убежище, где решается судьба родины! Дело, в котором принесли в жертву человека, несчастного Дрейфуса, «грязного еврея», бросает на это учреждение страшный свет и невольно приходишь в ужас. Сколько безумия и глупости, сумасшедших выдумок, грязных полицейских проделок, приемов инквизиции и тирании, произвола кучки золотопогонников, которые своим сапогом закрывают рот народу, душат малейший крик правды и справедливости, лживо и святотатственно прикрываясь государственными соображениями.

Не меньшее преступление искать опоры у бесчестной прессы, искать защиты у всего этого парижского сброда. В результате сброд нагло торжествует над правом и просто над честными людьми. Преступление — обвинять в покушении на Францию тех, кто хочет лишь, чтобы Франция была благородной, была во главе свободных и справедливых наций; обвинять, в то же время замышляя гнусный заговор; обманывать, и это — перед лицом всего мира. Преступление — вводить в заблуждение общество, использовать в целях убийства мнение этого общества, развращенное и доведенное до безумия. Преступление — отравлять сознание маленьких людей, разжигать инстинкты реакции и нетерпимости, скрываясь за гнусными уловками антисемитизма, от которого нужно излечить либеральную Францию, Францию прав человека, если мы не хотим, чтобы она погибла. Преступление — использовать патриотизм для человеконенавистничества; преступление, наконец, — создавать из военщины нового бога сейчас, когда все человеческие знания поставлены на службу грядущей правде и справедливости.

...Такова простая истина, господин президент, и она ужасна, она останется пятном на истории вашего президентства. Я

склонен допустить, что вы лично бессильны в этом деле, что вы являетесь пленником своего положения и своего окружения. Но на вас все же лежит долг человека, долг, о котором вы не можете забыть и который вы должны исполнить. Я, впрочем, ни на минуту не сомневаюсь в победе. Я повторяю, и еще увереннее, чем прежде: правда идет, и ничто ее не остановит. Только сейчас начинается это дело, ибо только сейчас определилась расстановка сил: с одной стороны — преступники, которые не хотят, чтобы правда была установлена; с другой стороны — справедливые, которые готовы отдать за нее свою жизнь. Я уже говорил и повторяю здесь: если правду пытаются загнать в землю, она скопляется там, она наполняется там такой взрывчатой силой, что в тот день, когда она вырвется наружу, все взлетит на воздух вместе с ней. И тогда увидят, что своими руками подготовили самые страшные бедствия.

Но письмо это длинно, господин президент, и пора сделать выводы.

Я обвиняю полковника Дюпати де Клама в том, что он сыграл дьявольскую роль творца судебной ошибки, — пусть даже бесознательно, — и в том, что он продолжал затем защищать свое злое дело в течение трех лет с помощью самых нелепых и самых преступных махинаций.

Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он, хотя бы только по слабости духа, стал соучастником одного из самых несправедливых дел этого века.

Я обвиняю генерала Билло в том, что он, имея в руках достоверные доказательства невиновности Дрейфуса и утаив их, тем самым совершил преступление против человечества и против справедливости из политических соображений и для того, чтобы спасти скомпрометированный генеральный штаб.

Я обвиняю генерала де Буадефра и генерала Гонза как соучастников того же преступления; первый совершил его несомненно под влиянием церковного фанатизма, второй, быть может, повинаясь тому корпоративному духу, который считает военное ведомство ковчегом завета, неприкосновенным местом.

Я обвиняю генерала де Пелье и команданта Равари в том, что они провели подлейшее следствие, я хочу сказать, следствие, чудовищно пристрастное, которое

превратило доклад Равари в нетленный памятник наивной наглости.

Я обвиняю трех экспертов-каллиграфов, господ Белома, Варишара и Куара в том, что они дали лживые и мошеннические заключения, — если только врачи не признают, что сами они страдают болезнью зрения и суждения.

Я обвиняю военное ведомство в том, что оно вело в прессе, особенно в газетах «Эклер» и «Эко де Пари» гнусную кампанию, чтобы обмануть общественное мнение и скрыть свою вину.

Я обвиняю, наконец, первый военный суд в том, что он нарушил закон, приговорив обвиняемого на основании документа, который сохранили в тайне, и я обвиняю второй военный суд в том, что он по приказу свыше покрыл это беззаконие, в свою очередь совершив юридическое преступление и сознательно оправдав виновного.

Предъявляя эти обвинения, я знаю, что подпадаю под действие статей 30-й и 31-й Закона о печати от 29 июля 1881 года, который карает за преступления диффамации. И я иду на это по доброй воле.

Что касается людей, которых я обвиняю, то я их не знаю, никогда их не видел, не имею против них личной ненависти или злобы. Они для меня — только воплощение, обличие общественного зла. И это мое выступление есть не что иное как революционное средство, чтобы ускорить взрыв правды и справедливости.

Мной владеет только одна страсть — страсть к свету, во имя человечества, которое столько страдало и которое имеет право на счастье. Мой пламенный протест — лишь крик моей души. Пусть же не побоятся привлечь меня к суду присяжных, и пусть следствие ведется при полном свете гласности.

Я жду.

Примите, господин президент, уверение в моем глубоком уважении.

РЕЧЬ НА СУДЕ

Господа присяжные!

...Господин Мелин изволил приказать вам осудить меня во имя уважения к армии, которой я, якобы, нанес оскорбление. Я разоблачаю перед всеми честными людьми это давление власти на правосудие нашей страны; это есть проявление гнусных политических прав, которые бесчестят свободную нацию.

Мы увидим, господа, проявите ли вы послушание. Но неправда, что я стою здесь перед вами потому, что такова воля г. Мелина. Только смятение и испуг перед новыми успехами правды заставили его преследовать меня. Об этом знают все. Если я стою перед вами, то потому, что сам этого захотел. Я сам решил, что это темное, чудовищное дело нужно вынести на ваш суд, и я сам по своей доброй воле обратился к вам, как к самому высшему, прямому воплощению французской справедливости, чтобы Франция знала все и сказала свое слово. У меня не было другой цели, моя собственная личность здесь не играет роли, я пожертвовал ею, я удовлетворен уже тем, что отдаю на ваш суд не только честь армии, но и честь всего государства, которой угрожает гибель.

...Господин Мелин решил, что может диктовать вам ваш приговор, доверив вашему суду честь армии. Но именно во имя чести армии я сам обращаюсь к вашему правосудию. Я решительно опровергаю утверждение Мелина, я никогда не оскорблял армию. Напротив, я говорил о своей любви, о своем уважении к вооруженной нации, к любимым нами солдатам Франции, тем, которые займут свое место в строю при первой угрозе, тем, которые будут защищать французскую землю. И также неверно, что я будто бы напал на руководителей армии, на генералов, которые должны повести ее к победе. Если несколько лиц из военного ведомства скомпрометировали армию своими действиями, то говорить об этом — не значит оскорблять армию в целом. Напротив, это значит поступать, как полагается доброму гражданину: стремиться очистить армию от всяких махинаций, бить тревогу, для того, чтобы ошибки, которые являются единственной причиной нашего поражения, не повторились и не привели нас к новым поражениям. Я утверждаю, что нашу славную армию непрерывно оскорбляют разные бандиты, которые, под видом ее ограждения, позорят ее своими черными замыслами, влачат по грязи все, что есть еще во Франции доброго и великого. Я утверждаю, что именно они бесчестят ее, эту великую национальную армию, когда они восклицают попеременно: «да здравствует армия» и «смерть евреям». И они же кричали: «да здравствует Эстергази». Подумать только! — народ, давший Людовика IX, народ Байяра, Конде и Гоша, народ, насчитывающий десятки грандиозных побед, на-

род великих войн республики и империи, народ, сила которого, великодушные и благородство восхищали мир, этот народ кричит: «да здравствует Эстергази». Это позор, который может быть смыт только нашей борьбой за правду и справедливость.

Вы знаете, какая легенда создалась вокруг этого дела: Дрейфус осужден по справедливости и по закону семью непогрешимыми офицерами, непогрешимыми настолько, что нельзя даже заподозрить их в ошибке, не оскорбляя армию в целом. Страшная участь Дрейфуса — расплата за его чудовищное преступление. И ясно, раз Дрейфус — еврей, значит, должен был образоваться какой-то еврейский союз, международный союз, и этот союз располагает сотнями миллионов для спасения предателя с помощью всяких бесстыдных приемов. Далее, этот союз стал совершать преступление за преступлением, покупать совесть людей, это он поверг Францию в убийственную смуту, это он решил продать ее врагу, зажечь в Европе всеобщую войну, лишь бы только осуществить свои ужасные замыслы. Как видите, все это очень просто, даже примитивно и глупо. Но этим отравленным хлебом гнусная пресса кормит наш несчастный народ уже много месяцев. Следует ли удивляться тому злобещему кризису, который охватил нашу страну: кто столь бесстыдно сеет глупость и ложь, неизбежно пожнет безумие.

Я не стану оскорблять вас предположением, что вы сами до сих пор верите этим нелепым сказкам. Я знаю вас, я знаю, кто вы. Вы — сердце и разум Парижа, моего великого Парижа, где я родился, который я нежно люблю, который я изучаю и воспеваю вот уже 40 лет. И я знаю также, что происходит сейчас в ваших головах; ведь прежде чем прийти сюда в качестве обвиняемого, я сам сидел на скамье присяжных. Вы здесь представляете общее мнение, вы все вместе стремитесь представлять здесь мудрость и справедливость. Я буду мысленно с вами, когда вы уйдете в совещательную комнату, и я убежден, что вашим стремлением будет — оградить ваших сограждан, интересы которых, конечно, являются для вас интересами всей нации. Вы, быть может, ошибетесь, но если и ошибетесь, то в убеждении, что, защищая ваше благо, вы защищаете всеобщее благо.

Я вижу вас в кругу ваших семей, в черами, за столом, освещенным лампой;

я слышу, как вы беседуете со своими друзьями, я следую за вами в ваши мастерские, в ваши магазины. Вы все — трудитесь; одни из вас коммерсанты, другие — промышленники, третьи — люди свободных профессий. И вполне понятно то беспокойство, которое вызывает в вас нынешнее плачевное состояние дел. Геперешний кризис повсюду угрожает стать настоящим бедствием, доходы падают, сделки становятся все более редкими. И вы, естественно, пришли сюда с мыслью, — ее нетрудно прочесть на ваших лицах, — что с вас хватит всего этого и что пора положить этому конец. Правда, вы не говорите, как многие другие: «Нам нет дела до какого-то невинно осужденного на Чортовом острове! Разве интересы одного человека стоят того, чтобы доводить до такого потрясения целую страну?» Но вы все-таки, должно быть, считаете, что наша агитация — агитация тех, кто жаждет правды и справедливости, — слишком дорого обходится, имея в виду все зло, в котором нас обвиняют. И если даже вы меня осудите, ваш приговор, в сущности, будет продиктован одним мотивом: желанием успокоить своих, стремлением поправить дела, убеждением в том, что, наказывая меня, вы положите конец кампании, которая вредит интересам Франции. Но, рассуждая так, вы жестоко обманулись бы. Поверьте, я не защищаю здесь свою личную свободу. Осудив меня, вы бы только меня возвеличили. Страдание за правду и справедливость возвышает и делает святым. Посмотрите на меня: похож ли я на продажного человека, на лжеца и предателя? Что руководит моими поступками? У меня нет ни политического честолюбия, ни фанатизма. Я — свободный писатель, всю жизнь отдавший труду, писатель, который завтра вновь станет в строй и возьмется за прерванное дело. Как глупы те, кто называет меня итальянцем, меня, рожденного от матери-француженки, воспитанного дедом и бабушкой, которые были родом из Босса, крестьянами на тамошней тучной земле; я потерял отца, когда мне было семь лет от роду, Италию я посетил уже в возрасте пятидесяти четырех лет, чтобы собрать там материал для книги. Это не значит, что я не горжусь своим отцом — уроженцем Венеции, великолепного города, древняя слава которого — в памяти у всех. Но если бы даже я не был французом, разве сорока томов, написанных на французском языке и брошенных мною в

мир в миллионах экземпляров, разве их недостаточно, чтобы признать меня французом, хорошо поработавшим для славы Франции...

Дело Дрейфуса, — подумайте, господа, насколько оно сейчас кажется маленьким, как оно спикло и отошло в тень перед теми страшными проблемами, которые оно вызвало к жизни. Нет больше дела Дрейфуса, речь идет о Франции, о том, остается ли она попрежнему Францией прав человека, той, которая дала свободу миру и должна была дать ему справедливость. Остаемся ли мы попрежнему самым благородным, самым братским, самым великодушным народом. Сохраним ли мы в Европе нашу добрую славу справедливой и человеческой нации. Разве тем самым не поставлены под вопрос все наши успехи? Посмотрите вокруг себя и поймите, что это смятение французской души означает, что она до самых глубин охвачена тревогой перед лицом грозной опасности. Мы переживаем исключительно серьезное время. Речь идет о спасении нации.

Когда вы поймете все это, вы почувствуете, что есть только одно средство: сказать правду, восстановить справедливость. Все, что мешает свету, все, что стучает тьму, будет только содействовать продлению и углублению кризиса. Настоящие граждане, те, кто испытывает властную потребность покончить с этим, должны требовать полной ясности. Так думаем мы, и нас уже много. Люди литературы, философии и науки везде поднимаются во имя сознания и разума. Я уже не говорю здесь о том, что происходит за границей, о той дрожи, которая охватила всю Европу. А ведь за границей у нас не только враги. Не будем говорить о народах, которые завтра могут стать нашими противниками. Но великая Россия — наша союзница, но маленькая и благородная Голландия, но все дружественные народы севера, все страны французского языка, Швейцария и Бельгия, почему они все испытывают такую скорбь, почему сердце их полно братского сострадания? Неужели ваш идеал — Франция, изолированная от всего мира? Неужели вы хотите, чтобы за границей вызывала улыбку легендарная репутация Франции — страны справедливости и человечности...

Дрейфус невиновен, клянусь в этом. Ручаюсь в этом моей жизнью, ручаюсь в этом моим счастьем. В этот торжественный час,

перед этим трибуналом, представляющим справедливость, перед вами, господа судьи, кто является воплощением самой нации, перед всей Францией, перед целым миром я клянусь, что Дрейфус невиновен. И со- рока годами своих трудов, авторитетом, который дали мне эти труды, я клянусь, что Дрейфус невиновен. И всем, чего я достиг, именем, которое я себе создал, произведениями, которые содействовали распространению французского художественного слова, клянусь, что Дрейфус невиновен. Пусть все это рухнет, пусть мои

творения погибнут, если Дрейфус виновен. Он невиновен.

Всё как будто против меня: обе Палаты, гражданская власть, военная власть, крупные газеты, общественное мнение, которое они отравили. За меня только идея, идеал правды и справедливости. И я совершенно спокоен, я буду победителем.

Я не хотел допустить, чтобы моя страна пребывала во лжи и несправедливости. Меня могут осудить здесь. Настанет день, Франция воздаст мне за то, что я помог ей спасти ее честь.